

Юлия Александровна ЦИМБАЛОВА¹
Ольга Константиновна ЛАГУНОВА²

УДК 821.161.1.09

СИТУАЦИЯ ВСТРЕЧИ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» В РАССКАЗАХ В. И. БЕЛОВА И Е. Д. АЙПИНА

¹ аспирант кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
tjuliya@yandex.ru

² доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
elshenka@yandex.ru

Аннотация

В статье представлен сопоставительный анализ рассказов двух представителей онтологической прозы: В. И. Белова и Е. Д. Айпина. На сюжетном уровне способом осмысления проблемы духовного кризиса современного общества в произведениях обоих писателей является ситуация встречи «своего» и «чужого». Обращение к оппозиции как к структурному элементу мифа о противостоянии Хаоса и Космоса в творчестве В. И. Белова и Е. Д. Айпина обусловлено природой онтологической прозы, изначально связанной с культом традиционных ценностей и архаичным мировоззрением. Выявлено, что понятия «свое» и «чужое» в текстах В. И. Белова и Е. Д. Айпина реализуются в отличающихся друг от друга личностных характеристиках, стратегиях поведения и отношении к семейным ценностям, к родине, к природе, к кризисным периодам истории и экстремальным ситуациям. Участники, место и время встречи, герои, их поступки и речь осмысляются в контексте глубинных причинно-следственных связей с окружающим миром и историей. В данной корреляции всего со всем одинаково важными позиционируются явления и события не только мирового и государственного

Цитирование: Цимбалова Ю. А. Ситуация встречи «своего» и «чужого» в рассказах В. И. Белова и Е. Д. Айпина / Ю. А. Цимбалова, О. К. Лагунова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Том 4. № 2. С. 139-151.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-2-139-151

масштаба (экологический и экономический кризисы, Октябрьская революция, Великая Отечественная война), но и личного характера. Данная взаимосвязь, в свою очередь, фиксирует мысль о личной ответственности каждого за все происходящее в мире. В связи с этим любой поступок, слово и даже мысль оценивается с точки зрения влияния на будущее народа. В качестве «своего» маркируется все, что связано с культурной памятью этноса (русского или хантыйского) и не противоречит законам естественного развития бытия. Отклонение от данного равновесия идентифицируется как «чужое», угрожающее целостности сложной системы связей всего сущего, разрушающее мировую гармонию.

Ключевые слова

Рассказ, ситуация встречи, «свое», «чужое», оппозиция, онтологическая проза.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-2-139-151

Центральная проблема онтологического дискурса русской и русскоязычной прозы второй половины XX в. — осмысление духовно-нравственных основ бытия с точки зрения их истинности и аксиологии. Исследования литературы данного периода выявляют разные основания для ее характеристики: деревенская [9], традиционалистская [12], социально-философская [15], онтологическая [5]. В своем исследовании мы будем использовать последнее определение, поскольку оно, на наш взгляд, наиболее полно отражает идейно-эстетическую направленность отмеченного этапа развития отечественной прозы и позволяет выявить основания для сопоставления текстов российских и иностранных писателей. Г. А. Белая отмечает, что произведения У. Фолкнера, К. Абэ, Г. Маркеса, Г. Белля, Ч. Айтматова, Г. Матевосяна и отечественных прозаиков сближает «онтологическая модель жизни человека в человечестве» [5, с. 9].

Попытка осмыслить те или иные явления в аспекте универсалии обуславливает обращение современной литературы к мифу как к главному источнику культурной памяти человечества на этапе синкретизма. По мнению О. К. Лагуновой, свидетельством связи онтологической прозы с традиционалистской поэтикой служит движение от Хаоса к Космосу [14, с. 11], что находит свое выражение в языке бинарных оппозиций («свое-чужое», «тогда-теперь»). Использование данных антиномий позволяет образно передать состояние духовного кризиса современного общества. Его свидетельством, по мнению Г. А. Белой, служит разделение общества на две группы: тех, кто принимает законы естественного развития, и тех, кто всячески выражает свое отчуждение от природы [6, с. 127].

На сюжетном уровне рассказы русского писателя В. И. Белова и хантыйского прозаика Е. Д. Айпина фиксируют подобное расслоение посредством ситуации встречи. Е. В. Косинцева подчеркивает, что основанием для сопоставления хантыйской литературы 60-80-х гг. XX в. с русской деревенской прозой является стремление осмыслить и восстановить сакральный смысл базовых ценностей (семьи, родного дома, «малой» родины, природы). В рассуждениях исследова-

теля можно обнаружить мысль о взаимообусловленности судьбы личности и народа: отношение героев к близким отражает нравственное развитие человека, а его благополучие является показателем общечеловеческого процветания [13, с. 27]. Таким образом, модель гармоничного бытия в онтологической прозе предполагает взаимную ответственность каждого за сохранение равновесия бытия. Отсюда закономерным следствием можно считать открытие отечественными писателями категории должного [6, с. 10]. Следовательно, ситуация встречи «своего» и «чужого» в текстах писателей-онтологов помогает идентифицировать осознающих и отрицающих свои обязательства перед окружающим миром.

В произведениях В. И. Белова разные представления о должном реализуются, прежде всего, в разных стратегиях отношения к семье и браку. Так, в текстах «Прежние годы», «Гудят провода», «Диалог», «Свадьба», «Колоколена», «Письмо» размышления и речь пожилых героев строятся по принципу антитезы «раньше — сейчас». «Своими» мыслятся представления о целомудрии, святости человеческой жизни, уважении родителей, носителями которых являются представители старшего поколения, «чужими» — принадлежащие современной молодежи, в корне отличающиеся от традиционных народных и противоречащие естественному течению жизни. Старики и старухи фиксируют факторы, подрывающие авторитет семьи и брака: аборт, измены, беспорядочные любовные связи, недостаток взаимопонимания между детьми и родителями. Отсутствие ответственности перед супругом, домочадцами в современном обществе становится явлением обыденным. Молодежь осознает социальные роли матери, сына, супругов исключительно как формальность, лишённую сакрального смысла. Намеченное нарушение баланса физического и духовного присуще не только личности, оно приобретает общественный масштаб: не имея обязательств перед семьей, человек не осознает свою ответственность перед миром.

Ч. З. Гусейнов отмечает, что одной из общих черт развития советских младописьменных национальных литератур является «типологическая общность исканий, продиктованных стремлением сохранить и сберечь сферы, обеспечивающие жизнедеятельность человека» [11, с. 301]. Дом, род, семья, земля, связь с предками — это основы, без которых сложно представить человеческое существование. Встреча «своего» и «чужого» в рассказах Е. Д. Айпина также предполагает столкновение разных точек зрения относительно понимания ценности связи с родственниками. Заглавие рассказа «Конец рода Лагермов» отражает связь трагедии семейной и народной: угасание малочисленного хантыйского народа начинается с малого. Истребление рода обесмысливает его историю, разрывает цепь возможных в будущем связей с другими семьями. Подчеркивает данную мысль искажение исходной символики «совершенного» [10, с. 541] в хантыйской культуре числа «семь». Смерть семерых сыновей, как и в рассказе «Бездомная собака», символизирует окончательную победу хаоса над космосом, угасание жизни и отсутствие надежд на ее продолжение. В рассказе «Клятвопреступник» развивается мысль о том, что события Октябрьской революции способствовали не только политическому, но и духовному расколу общества,

что выразилось и в отношении к семейным ценностям. О моральном облике представителей новой власти и их оппозиционеров красноречиво свидетельствуют поступки, мысли, чувства Никишиных и Копыловых. Об отношениях в семье революционера можно судить по немногочисленным деталям. После смерти комиссара в тексте появляется упоминание о его жене: «Принесла на могилу свой первый и последний венок, омытый скупой слезой, и укатила комиссарить в Москву на центральный телеграф, где в те бурные дни ее ждали неотложные дела» [2, с. 91]. Информация о сестре комиссара сводится к упоминанию о ее неожиданном появлении после войны и присланных ею денежных переводах для облагораживания могилы Никишина. Совсем иное отношение к своим близким характеризует представителей рода Копыловых. Сюжет рассказа сопряжен с памятными для семьи Михаила событиями. Смерть каждого из представителей рода Копыловых воспринимается его членами как трагедия. Единство семьи подчеркивает испытываемое Михаилом чувство физической и духовной связи со «своим» имуществом (домом, садом, построенной дедом церковью).

Умозаключения охотника в рассказе «Во тьме» формулируют жизненную позицию «чужих»: «Ведь они все без роду-племени, ибо давно утратили то, что связывает род с родом, человека с человеком» [2, с. 66]. Чувство особой связи, о котором рассуждает Ефрем, обусловлено особенностями функционирования категории родства. Ее основное значение в хантыйской традиционной культуре, отмечает Е. В. Перевалова, связано с регламентацией отношений «своих» и «чужих» [16, с. 218]. Исследователь подчеркивает сложность и многомерность понимания родства: оно включает не только отношения на уровне генетической связи, но и на основании единого религиозного культа, брачных связей представителей одного рода с другим, территориальной близости и даже ясачной повинности. В отличие от кровного, «новое» родство, то есть включение в свой круг «чужих», по словам Е. В. Переваловой, обеспечивало «более прочное основание социального взаимодействия отдельных групп населения». Исследователь выдвигает гипотезу о том, что на разных стадиях исторического развития появление нового основания для родства обусловлено изменениями в социально-экономической организации общества (так, родство на основе единства божественного культа связывается с эпохой христианизации) [16, с. 237-248].

«Свое» в понимании героев хантыйского прозаика связано не только с представлениями об общности семейной. Герой стремится обнаружить связь с незнакомым человеком по иным критериям. Так, в рассказе «В урмане» знакомство Коски с бригадой бурильщиков сопряжено с установлением родственных связей на основе общего дела: с Митькой (сын хантыйского охотника), Фёдором Петровичем (как и Коска, в годы Великой Отечественной воевал в Ленинграде). В свою очередь, старик надеется, что желание укрепить родственные связи будет обоюдным. Охотник бескорыстно помогает бригаде, полагая, что отношения с ними помогут наладить диалог представителям двух разных народов: «Толковый парень, думал он, глядишь, совсем нефтяным человеком станет, тоже неплохо. Свой человек при нефти будет» [2, с. 32].

Еще одним фактором, объединяющим людей и делающим их «своими» в рассказах Е. Д. Айпина, является принадлежность к одному локусу. Город, река, область, страна, где родился, жил или путешествовал герой, становится поводом для того, чтобы считать собеседника «своим». Так, в тексте «В окопах, или Явление Екатерины Великой» рассказчик ощущает духовную связь, установившуюся с однополчанами-сибиряками. Персонажная структура рассказа «Продавец Кондаков» пронизана многочисленными связями героев по разным признакам: принадлежность к одной фамилии (Кондаков), одному локусу (деревня Тромаган), общему делу (погибшие на войне родственники, Кондаков и другие люди). В рассказе «Ночь Маэстро» рассказчик ощущает родство и особую связь с художником, родившимся, как и он, на Оби.

В книге «Река-в-Январе» распространена ситуация, когда встреча происходит на «чужой» территории. Герои рассказов «Река-в-Январе», «Парижанка», «Дона, или Последняя ночь в Шато Лурье», «Моя княжна», путешествуя, знакомятся с иной культурной традицией. В отличие от цикла «Время дождей», где итогом вторжения «чужого» становится физическое и духовное истребление «своего», в книге «Река-в-Январе» интерес, уважительное отношение к иному опыту помогает осмыслить те или иные закономерности исторического развития. Героиня рассказа «Лебединая песня» находит в глухой таежной заимке умиротворение и гармонию, которые не могла обрести в городской среде. В рассказах «Осень в Твоем городе» и «В мир вечного покоя» сближение героя и героини сопряжено с освоением ее пространства.

Для героев В. И. Белова встреча с «чужим» также нередко становится поводом для установления связи со своими земляками, родной деревней. В отличие от героев хантыйского прозаика, персонажи русского писателя чаще сами оказываются в «чужой» среде. Как правило, это город с иным, нехарактерным для деревни ритмом и укладом жизни. Особое духовное значение «своего» пространства подчеркивают связанные с ним воспоминания о важных и значимых событиях («Бескультурье», «За тремя волоками»), о близких и дорогих людях («Колоколена», «Ершов — гармонный мастер», «Холмы», «Речные излуки», «Бобришный угор»). В рассказах «Коч», «Маникюр», «Диалог», «Прежние годы» герои мотивируют свое возвращение в деревню тем, что городское пространство надделено отталкивающими свойствами: теснота, духота, отсутствие связи с землей, новые нравы, в корне отличающиеся от традиционных. В произведении «На тракте» «свое» и «чужое» противопоставлены на уровне отношения к человеку, попавшему в беду: оказав помощь застрявшему на деревенской дороге горожанину, Валька и Лещов оказываются брошенными в незнакомой столовой. В тексте «Новострой» рассказчик подробно подчеркивает бессмысленность копирования деревенскими жителями новшеств городского быта. Еще одна причина, по которой деревня осознается как «своя» территория, — это занятия сельскохозяйственным трудом. Описанные в рассказах «Весна», «Скакал казак», «Такая война» работы колхозников предполагают тесный контакт и взаимопомощь людей, чего невозможно достичь в городской среде.

Важным критерием, который позволяет определить, можно ли считать героя «своим» или «чужим», является отношение к природному миру. Лес, речка, поле для героев В. И. Белова и Е. Д. Айпина — это все живое. От умения подстроиться под природные ритмы, отмечает В. И. Белов, зависело благополучие русского крестьянина: «Почти все трудовые дела сплелись у сельского жителя с природой, а природа ритмична: одно вытекает из другого, и все неразрывно связано между собой» [7, с. 17]. Природа в рассказах русского и хантыйского прозаиков понимается прежде всего как родная деревня, поселок или земельные угодья. «Свой» герой «понимает» природу, поскольку его память хранит опыт вековых наблюдений предков, научившихся «расшифровывать» природные послания. Знание и согласованность работ русского крестьянина с природными ритмами изначально обеспечивали их результативность, а значит, не требовали дополнительного искусственного вмешательства. Так, поступки, мысли, наблюдения Гудкова («Скакал казак»), Ивана Тимофеевича («Весна») указывают, что герои привыкли планировать свои занятия с учетом природных ритмов. Рассказчик в тексте «Гоголев» размышляет о необоснованном загрязнении реки. Наблюдения над природой в рассказе «Весенняя ночь» становятся поводом для философских размышлений рассказчика. «Свой» герой признает величие природы, ее загадочность как факт, ценный сам по себе: «В земле меж миллионов корней, враждующих и борющихся за ее кровь, цепко ветвятся, проползают грибицы. И никому не известно, что творится в темном земном нутре» [8, с. 481].

Особое восприятие «своим» героем природы выражается и в отношении к представителям животного мира. В рассказах «Весна», «Кони» продемонстрировано взаимопонимание между человеком и лошадей. Поступки и обращения Ивана («Весна») красноречиво свидетельствуют о его заботливости и внимательности: «ласково обратал Свербеху», «с наслаждением через ногу стянул клещевину хомута» [8, с. 25]; «Давай, матушка, давай», «ласково сказал», «погладил печальную лошадиную морду» [8, с. 31]. Доминанты характера Лабути («Кони»): чуткость, доброта, всепрощение и внимание — также с особой силой раскрываются в отношении к лошадям: «Кроме всех людей, любил он животных, особенно лошадей...», «почувствовал это своим чутьем», «знал каждую лошадь, как знал самого себя» [8, с. 484-485], «он всегда знал, где они» [8, с. 488]. Связь человека и животного в рассказах показывает неразрывное единство двух отделившихся в современном обществе миров, жизнь которых измеряется общими органическими законами. По мысли Г. А. Белой, обращение к теме взаимосвязи природы и человека в онтологической прозе призвано акцентировать проблему утраты чувства «слитности с миром» [7, с. 43].

В произведениях Е. Д. Айпина отношение к природе как индикатор нравственного развития личности особо четко проявляется в произведениях, опубликованных до начала 2000-х гг. Встреча с «чужим» в ранних рассказах хантыйского прозаика сопровождается нарушением эстетической и духовной целостности природного пространства «своего». Об этом свидетельствуют описания

уродующих красоту природного мира буровых вышек («В урмане» и «Волки»), нарушающих покой рек самоходок и катеров («Во тьме», «Конец рода Лагермов»). Повествователь или рассказчик не просто фиксируют негативные последствия несанкционированного вмешательства «чужого» (массовое истребление представителей животного и растительного мира, нарушение биологического равновесия на данном ареале, загрязнение почвы, воды, воздуха и др.), но и указывает на отсутствие целесообразности в таких способах освоения природы. Хронотоп путешествия молодого ветеринара в рассказе «Русский Лекарь» помогает оценить масштаб политики насильственного изъятия земельных ресурсов у коренных народов Севера. История, рассказанная Сардаковым, позволяет понять, что последствия вторжения «чужих» касаются не только материального, но и морального благополучия. Особенно пострадало молодое поколение, насильно отправленное в интернаты и воспитанное в отрыве от национальных традиций, что подтверждают исследования В. Н. Адаева [1, с. 71].

Как и русский прозаик, Е. Д. Айпин также подчеркивает тесную взаимосвязь процессов, происходящих в природном мире и в обществе. Рассуждения Веры в рассказе «Время дождей» наводят на мысль, что вторжение «чужих» в жизнь таежного поселка, нарушенный природный порядок (бесконечный дождь, сырая зима), смерть отца и ее сломанная судьба взаимообусловлены. В текстах «Волки», «Бездомная собака» герои приходят к заключению, что животные не по своей воле причиняют вред человеку, а поскольку их выгнали с привычных мест обитания.

Как и в произведениях русского прозаика, в рассказах Е. Д. Айпина отношение к представителям флоры и фауны служит индикатором нравственного состояния героев. Об этом свидетельствует умение понимать представителей природного мира, сострадать им («Медвежье горе», «Бездомная собака», «Волки», «В урмане», «Лебединая песня»). Трепетно относится к деревьям, реке Коска («В урмане»): заботливо убирает перегородившую русло реки осину, спасает от пожара лес. Маремьян («Конец рода Лагермов») возмущен варварским отношением Беспалого к лосихе. Своим долгом Лагерм считает похоронить животное по всем правилам. В рассказе «Русский Лекарь» уважительное и внимательное отношение к природе становится поводом для разговора с «чужим». Профессия молодого человека — ветеринар — предполагает определенную стратегию отношения к животным, указывает, что ее носитель не сможет нанести вред представителям фауны. Данную мысль подкрепляет стремление Лекаря узнать землю, на которой предстоит трудиться.

Героям Е. Д. Айпина чрезвычайно важно физическое и духовное ощущение связи со «своей» землей. В рассказе «Бездомная собака» престарелая мать Демьяна очень обеспокоена тем, что «чужие» лишают права на собственность не только живых, но и покойников: «Помереть землю не дадут...» [2, с. 107]. Коска («В урмане») так дорожит своей землей, что даже в последние мгновения жизни обнимает ее: «Руки его распластались крыльями, словно обняли напоследок свою израненную землю» [2, с. 36]. В рассказе «Русский Лекарь» Осип наме-

ренно не вытаскивает молодого человека из топи, а тащит по земле: «Подумал: пусть как следует понюхает нашу землю, пусть попробует на вкус болотной жижи-водицы, пусть получше узнает, как живется-работается пастуху-олене-воду» [2, с. 129].

А. В. Головнев объясняет, что значимость идеи связи человека с землей в угорской культуре обусловлена многими факторами. Во-первых, можно обнаружить «изоморфность географического рельефа строению человеческого тела», а процессы жизнедеятельности в биосфере тождественны слаженной работе человеческих органов. Во-вторых, в «сакральной топографии» земля занимает промежуточное значение, связывая Небесный и Нижний миры, поэтому осознается как субстанция рождения и смерти. В-третьих, привязанность живого организма к земле обусловлена комплексом разнообразных связей (родственных, территориальных, промысловых и пр.) [10, с. 260-272]. В творчестве Е. Д. Айпина все эти представления выражены в полной мере не только в рассказах, но и в произведениях других жанров. Так, в главе «Боль Земли» повести «У гаснущего очага» рассказчик представляет землю в образе Сидящей величественной Женщины-Красавицы: «Она — одновременно казавшаяся мне и человеком, и Богиней — прощает нам многие обиды» [4, с. 263].

Еще один способ нравственной идентификации героев в текстах хантыйского и русского прозаика — поведение в экстремальных ситуациях. Чаще всего оба автора обращаются к событиям Октябрьской революции, Великой Отечественной войны, реформ 1990-х гг. Е. Д. Айпин в текстах «Клятвопреступник», «Божье Послание», «Русский Лекарь», «Моя княжна», «Парижанка» акцентирует мысль о том, что «чужим» можно считать все, что связано с деятельностью революционеров. В рассказах подчеркивается, что деятельность «красных» несет исключительно разрушительный характер. Убийства, грабежи, разрушение духовного богатства — все это нарушает естественный ритм жизни. Гармоничное существование, по мысли Е. Д. Айпина, напротив, связано со стабильностью, неспешностью, укорененностью. Именно поэтому для героев хантыйского прозаика так важно ощущать связь со «своим» домом, родом.

В книге «Река-в-Январе» прослеживается связь событий 1917 г. и современности. «Новые» люди, о которых рассуждают герои текстов «В полете в бездну», «Ночь Маэстро», «Парижанка», «Моя княжна», — это преемники политической стратегии, сформированной революционерами. «Украли», «разрушили», «убивать научили», «продают», «обнаглели» — глаголы, описывающие деятельность политиков, подчеркивают масштаб их разрушительной деятельности. «Чужие» — это безликая масса, не имеющая индивидуальности, единственными характеристиками которой можно считать губительное воздействие на жизнь законопослушного общества и пренебрежительное отношение к окружающим: «Чувствуют себя хозяевами жизни. Живут в охраняемых офисах и отелях, купить могут все и вся — вот и творят что хотят. Что им народ — так, рабочий скот, быдло...» [3, с. 50]; «Теперь ведь эти, новые, которые господа... Людей-то у них нет, человека в рабсилу превратили, чтоб, значит, делал им рубли...» [3, с. 55].

Эпитеты, которыми охарактеризованы в рассказе «Парижанка» разрушители общественного благополучия («трое пьяных и недалеких мужиков») и их качества («кухаркин менталитет»), подчеркивают, что вставшие во главе государства люди не имеют ничего общего с истинным правителем. Образ «новых людей» присутствует и в рассказе «Ночь Маэстро». Метафора «большой базар», которая характеризует современную Россию, подчеркивает, что новая власть провоцирует на торговлю телами, умами и душами.

В рассказах В. И. Белова о моральных установках личности позволяет судить поведение человека в годы войны. Те, кто в тяжелые годы способен на помощь и сочувствие к ближнему, идентифицируются как «свои». «Чужие» — это те, кто резко меняет модель своего поведения в соответствии с новыми условиями жизни и вместо заботы о всеобщем благе занят самообогащением. Такими хозяевами «новой жизни» можно считать Пашку Неуступова («Такая война»), Бессонова («Скакал казак»), Илюху («Под извоз»). Формализм, с которым подходят к своим должностным обязанностям «чужие», подчеркивает тот факт, что данные персонажи воспринимают руководящую должность лишь с точки зрения новых прав, совершенно не учитывая новые обязательства. Напротив, воровство в текстах «Скакал казак», «Под извоз», «Мальчики» не осознается как противоправное действие, оно обусловлено безвыходным положением голодающих людей.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что способом идентификации «своего» в текстах русского и хантыйского прозаиков является категория связи, которая может быть реализована на разных уровнях: родства, близости с земляками, коллегами, однополчанами, приверженцами определенных взглядов на социально-политическое развитие общества. Данная связь предполагает не только ответственность каждого перед обществом, но и общества перед личностью. Война, революция, несанкционированное вторжение прошлого населения в жизнь аборигенов, лишаящие человека полноценной мирной жизни, нарушающие ее привычный ритм, трактуются как потенциальная угроза разрыва сложной системы связей, которой пронизано бытие в понимании писателей-онтологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адаев В. Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев / В. Н. Адаев. Тюмень: ВекторБук, 2007. 240 с.
2. Айпин Е. Д. Клятвопреступник / Е. Д. Айпин. М.: Наш современник, 1995. 423 с.
3. Айпин Е. Д. Река-в-Январе / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. 208 с.
4. Айпин Е. Д. Собрание сочинений в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. Том 1. 286 с.
5. Белая Г. А. Философско-этическая проблематика современной прозы / Г. А. Белая // Гуманистический пафос советской литературы. М.: Наука, 1982. С. 37-58.

6. Белая Г. А. Художественный мир современной прозы / Г. А. Белая. М.: Наука, 1983. 191 с.
7. Белов В. И. Лад: Очерки о народной эстетике / В. И. Белов. М.: Молодая гвардия, 1982. 293 с.
8. Белов В. И. Собрание сочинений в 5 т. / В. И. Белов. М.: Современник, 1991. Том 1. 608 с.
9. Большакова А. Ю. Феномен деревенской прозы (вторая половина XX века): дис. ... д. филол. наук / А. Ю. Большакова. М., 2002. 403 с.
10. Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / А. В. Головнёв. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 608 с.
11. Гусейнов Ч. З. Это живой феномен: Советская многонациональная литература вчера и сегодня / Ч. З. Гусейнов. М.: Советский писатель, 1988. 429 с.
12. Ковтун Н. В. Русская традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика: учеб. пособ. / Н. В. Ковтун. Красноярск: Сибирский фед. ун-т, 2013. 352 с.
13. Косинцева Е. В. Хантыйская литература от истоков до современности: темы, образы, традиции: автореф. дис. ... д. фил. наук / Е. В. Косинцева. Саранск, 2013. 42 с.
14. Лагунова О. К. Тематизация песни в русскоязычной онтологической прозе народов Северной Азии последней трети XX века (Е. Айпин, Ч. Айтматов, А. Неркаги) / О. К. Лагунова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Том 2. № 3. С. 8-22. DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-3-8-22
15. Лапченко А. Ф. Человек и земля в русской социально-философской прозе 70-х гг. (В. Распутин, В. Астафьев, С. Залыгин) / А. Ф. Лапченко. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. 137 с.
16. Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история / Е. В. Перевалова. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.

Yulia A. TSIMBALOVA¹
Olga K. LAGUNOVA²

UDC 821.161.1.09

**MEETING OF “NATIVE” AND “ALIEN” IN SHORT STORIES BY
V. I. BELOV AND YE. D. AIPIN**

¹ Postgraduate Student,
Russian and Foreign Literature Department,
University of Tyumen
rijuliya@yandex.ru

² Dr. Sci. (Philol), Professor,
Russian and Foreign Literature Department,
University of Tyumen
eleshenka@yandex.ru

Abstract

This paper attempts to compare the poetics of Russian writer V. I. Belov's and Khanty prosaist Ye. D. Aipin. The situation of the encounter of the “native” and “alien” in their books reveals the problem of the mental crisis of modern society. Both writers use the opposition of the Chaos and the Space, which is considered to be an element of mythological structure, because the prose is based on cult of traditional values and archaic worldview. It is revealed that concepts “native” and “alien” are realized within contrary personal characteristics, strategies of behavior and attitude towards family values, native land, nature, historical periods of crisis and extreme situation. The participants, the place and the time of encountering, their things and speech are considered in context of the deep cause-and-effect relationships with outside world and history. In that regard both the global events (ecological and economic crisis's, the October revolution, the Great Patriotic war) and personal things seem to be equally important. The connection of everything with all that exists is mainstreamed by the narrative subject, underlining that historical facts of different periods are intersectional. This in turn shows the idea that everyone is responsible for what is happening in the world. In this regard every

Citation: Tsimbalova Yu. A., Lagunova O. K. 2018. “Meeting of ‘Native’ and ‘Alien’ in Short Stories by V. I. Belov and Ye. D. Aipin”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 4, no 2, pp. 139-151.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-2-139-151

act, verb, and even thought are estimated in terms of impact on the nation future. All what is connected with cultural memory of the ethnos (Russian or Khanty) and do not conflict with patterns of natural development of existence is supposed to be “native”. Any deviation from this balance is supposed to be “alien”, that threatens integrity.

Keywords

Short story, situation of meeting, “native”, “alien”, opposition, ontological prose.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-2-139-151

REFERENCES

1. Aadaev V. N. 2007. Traditsionnaya ekologicheskaya kultura khantov i nencev [Traditional Ecological Culture of Khanty and Nenets]. Tyumen: VektorBuk.
2. Aipin Ye. D. 1995. Klyatvoprestupnik [Oathbreaker]. Moscow: Nash sovremennik.
3. Aipin Ye. D. 2007. Reka-v-Yanvare [River-in-January]. Saint Petersburg: MIRRAL.
4. Aipin Ye. D. 2014. Sobranie sochineniy [Collected Works] in 4 vols. Vol 1. U gasnushhego ochaga [Near the Fading Hearth]. Saint Petersburg: Amfora.
5. Belaya G. A. “Filosofsko-eticheskaya problematika sovremennoy prozi” [Philosophical and Ethical Problematics of the Modern Prose]. In: Gumanisticheskiy pafos russkoy literature, pp. 37-58. Moscow: Nauka.
6. Belaya G. A. 1983. Khudozestvennyi mir sovremenoi prozi [The Art World of Contemporary Prose]. Moscow: Nauka.
7. Belov V. I. 1982. Lad: ocherki o narodnoyestetike [Harmony: Essays about Folk Aesthetic]. Moscow: Molodaya gvardiya.
8. Belov V. I. 1991. Sobraniyesochineniy [Collected Works] in 5 vols. Vol. 1. Moscow: Sovremennik.
9. Bolshakova A. Yu. 2002. Fenomen derevenskoy prozi (vtoraya polovina XX veka) [The Phenomenon of Village Prose (the Second Half of the 20th Century)]. Dr. Sci. (Philol.) diss. Moscow.
10. Golovnev A. V. 1995. Govoryashiyekultury: traditsiyi samodiycev i ugrov [Talking Cultures: Samoyed and Ugrian Traditions]. Ekaterinburg: UrORAN.
11. Guseinov Ch. Z. 1988. Eto zivoy fenomen: Sovetskaya mnogonacionalnaya literatura vchera I segodnya [This is Alive Phenomenon: Soviet International Literature Yesterday and Nowadays]. Moscow: Sovetskiy pisatel’.
12. Kovtun E. V. 2013. Russkaya traditsionalistskaya proza: ideologiya i poetica [Russian Traditionalistic Prose: Ideology and Poetics]. Krasnoyarsk: Sib. Fed. Un-t.
13. Kosintseva E. V. 2013. Khantiyskaya literatura: ot istokov do sovremennosti. [Khanty Literature: From Origins to Modernity]. Dr. Sci. (Philol.) diss. Saransk.
14. Lagunova O. K. 2016. “Themativatsiya pesni v russkoyazichnoy ontologicheskoy proze narodov Azii posledney treti XX veka (Ye. Aipin, Ch. Aitmatov, A. Nerkagi)” [Theming Lyrics in the Russian Language Ontological Prose of Northern Asia the in Last Third of

the XX Century (Ye. Aipin, Ch. Aitmatov, A. Nerkagi)]. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 2, no 3, pp. 8–22.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-3-8-22

15. Lapchenko A. F. 1985. Chelovek i zemlya v russkoy social’no-filosofskoy proze 70-h gg (V. Rasputin, V. Astaf’ev, S. Zaligin) [A Man and the Earth in Russian Social-Philosophical Prose 70-s (V. Rasputin, V. Astafyev, S. Zaligin)]. Leningrad: Izdatel’stvo Leningradskogo universiteta.
16. Perevalova E. V. 2014. Severniye hanty: etnicheskaya istoriya [The North Khanty: Ethnic History]. Ekaterinburg: UrO RAN.